

Оригинальная статья / Original article

УДК 347:343

<https://doi.org/10.21869/2223-1501-2025-15-4-59-74>

Взаимодействие норм корпоративного и уголовного законодательства: как синхронизировать направления правотворчества

В.А. Болдырев^{1,2} ✉

¹ Северо-Западный филиал Российского государственного университета правосудия им. В.М. Лебедева
Александровский парк, д. 5, г. Санкт-Петербург 175046, Российская Федерация

² Новосибирский государственный университет
ул. Пирогова, д. 1, г. Новосибирск 630090, Российская Федерация

✉ e-mail: vabold@mail.ru

Резюме

Актуальность. Современные экономические и правовые исследования, основанные на обширных наблюдениях за состоянием корпоративного законодательства и качественным составом участников корпораций («структурой собственности»), свидетельствуют о высокой подвижности корпуса акционеров в большинстве правовых порядков. Российский уголовный закон, относящий работников акционерных обществ, контролируемых государством, к числу лиц, могущих совершить должностные преступления, ориентирован на стабильность субъектного состава участников корпораций. Это свидетельствует о конфликте посылок, заложенных в основу норм российского корпоративного и уголовного законодательства.

Цель настоящего исследования – на основе анализа решения законодателя об отнесении работников хозяйственных обществ к числу субъектов должностных преступлений и релевантной правоприменительной практики выявить институциональную причину возникновения сбоев в межотраслевом взаимодействии правовых норм и определить стратегию их предотвращения в будущем.

Задачи исследования: описать экономико-правовые подходы к анализу состава участников коммерческих корпораций («структуры собственности»); установить степень прозрачности состава акционеров для потенциальных субъектов должностных преступлений; выявить случаи некорректного использования категориального аппарата корпоративного права при конструировании норм уголовного закона; предложить институциональное решение проблемы отсутствия у разработчиков законопроектов компетенции в смежных правовых областях.

Методология. Используются формально-юридический, сравнительно-правовой, конкретно-исторический и системно-правовой методы, а также методы правового наблюдения и правового прогнозирования.

Результаты. Демонстрируются сложности толкования и применения права, ставшие результатом стирания четких границ между преступлениями против интересов службы в коммерческих и иных организациях (глава 23 Уголовного кодекса Российской Федерации) и преступлениями против государственной власти, интересов государственной службы и службы в органах местного самоуправления (глава 30 Уголовного кодекса Российской Федерации).

Выводы. Существует необходимость создания из представителей юридического сообщества органа, который выполнял бы функции «фильтра законопроектов» на методологической основе и практик, наработанных Советом при Президенте Российской Федерации по кодификации и совершенствованию гражданского законодательства, а также опыта других стран.

Ключевые слова: хозяйственное общество; правоприменительная деятельность; акционерное общество; корпоративный контроль; должностное преступление; когнитивные искажения.

Конфликт интересов: Автор декларирует отсутствие явных и потенциальных конфликтов интересов, связанных с публикацией настоящей статьи.

Для цитирования: Болдырев В.А. Взаимодействие норм корпоративного и уголовного законодательства: как синхронизировать направления правотворчества // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2025. Т. 15, № 4. С. 59–74. <https://doi.org/10.21869/2223-1501-2025-15-4-59-74>.

Поступила в редакцию 23.05.2025

Принята к публикации 24.06.2025

Опубликована 29.08.2025

Interaction of corporate and criminal law norms: how to synchronize the directions of lawmaking

Vladimir A. Boldyrev^{1,2} ✉

¹ North-West Branch of the Russian State University of Justice named after V.M. Lebedev
5 Aleksandrovsky Park, Saint Petersburg 175046, Russian Federation

²Novosibirsk State University
1 Pirogova Str., Novosibirsk 630090, Russian Federation

✉ e-mail: vabold@mail.ru

Abstract

Relevance. Modern economic and legal studies based on extensive observations of the state of corporate legislation and the qualitative composition of corporate participants ("ownership structure") indicate a high mobility of the shareholder corps in most legal systems. Russian criminal law, which classifies employees of state-controlled joint-stock companies as persons who may commit official crimes, is focused on the stability of the subject composition of corporate participants. This indicates a conflict of premises underlying the norms of Russian corporate and criminal legislation.

The purpose of this study is to identify the institutional cause of the occurrence of failures in the intersectoral interaction of legal norms and determine a strategy for their prevention in the future based on an analysis of the legislator's decision to classify employees of business entities controlled by public-law entities as subjects of official crimes and relevant law enforcement practice.

Research objectives: to determine economic and legal approaches to the analysis of the composition of participants in commercial corporations ("ownership structure"); to establish the degree of transparency of the shareholder composition for potential subjects of official crimes; to identify cases of incorrect use of the categorical apparatus of corporate law in the construction of criminal law norms; to propose an institutional solution to the problem of the lack of competence in related legal areas among drafters.

Methodology. Formal-legal, comparative-legal, specific-historical and system-legal methods are used, as well as methods of legal observation and legal forecasting.

Results. The difficulties of law enforcement resulting from the erasure of clear boundaries between crimes against the interests of service in commercial and other organizations (Chapter 23 of the Criminal Code of the Russian Federation) and crimes against state power, the interests of civil service and service in local government bodies (Chapter 30 of the Criminal Code of the Russian Federation) are demonstrated.

Conclusions. There is a need to create a body from representatives of the legal community that would perform the functions of a «filter of bills» on the methodological basis and practices developed by the Council under the President of the Russian Federation for the Codification and Improvement of Civil Legislation, as well as the experience of other countries.

Keywords: business entity; law enforcement; joint-stock company; corporate control; malfeasance; cognitive biases.

Conflict of interest: The Author declare the absence of obvious and potential conflicts of interest related to the publication of this article.

For citation: Boldyrev V.A. Interaction of corporate and criminal law norms: how to synchronize the directions of lawmaking. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya i pravo* = *Proceedings of the Southwest State University. Series: History and Law*. 2025;15(4):59–74. (In Russ.) <https://doi.org/10.21869/2223-1501-2025-15-4-59-74>.

Received 23.05.2025

Accepted 24.06.2025

Published 29.08.2025

Введение

Формирование у лица, познающего мир, представления о реальности с завы-

шенной оценкой значения привычной ему сферы деятельности, является частью нормы: когнитивные искажения всегда

были спутником человека в процессе построения информационной модели мира [1, р. 610]. В науках криминального цикла доминирует подход к охране общественных отношений, в рамках которого уголовная ответственность рассматривается как основной инструмент поддержания порядка в обществе, как главная гарантия любых интересов членов социума. Эволюция уголовного закона, в ходе которой работник хозяйственного общества стал одним из субъектов должностных преступлений, может служить хорошей иллюстрацией этого тезиса. Решение законодателя выходит далеко за область проблематики уголовно-правового характера, сталкиваясь с основами российского экономического уклада и государственного устройства.

Конструирование норм уголовного законодательства на основе категориального аппарата, заимствованного у позитивного частного права, можно считать явлением довольно распространенным, но вызывающим сложности толкования, особенно на первых этапах после новеллизации. Нормы уголовного права существуют не сами по себе, а в среде законоположений, составляющих правовую доктрину – концепцию, опирающуюся на конкретные методологические основания и содержащую выводы, находящиеся в системном единстве [2, с. 102].

Восприятие отечественной правовой доктриной постсоветского периода положений, касающихся юридических лиц корпоративного типа, было достаточно трудным. В советский период в отечественной юрисдикции корпорации как класс хозяйствующих субъектов остались вынужденным исключением и были представлены несколькими акционерными обществами, предназначенными для участия в договорных отношениях с иностранными компаниями и гражданами (Внешторгбанк СССР, Ингосстрах и Интурист) [3, с. 37]. Решение было обусловлено тем, что акционерные общества (англ. *joint stock company*) существовали

и существуют в большинстве современных правовых порядков. Добиться нормального восприятия иностранными партнерами советской модели юридического лица, собственником имущества которого было государство, оказалось невозможно. Как следствие, советское государство воспользовалось накопленным зарубежным опытом.

Строго говоря, созданные в советской юрисдикции для участия во внешне-экономических отношениях юридические лица и не были полноценными корпорациями – их единственным акционером было государство. Как справедливо отмечает С.А. Сеницын, сегодня в силу объективных причин изжить «единоличные компании» из экономической реальности оказывается невозможно [4, с. 44]. Такие «компании одного лица» (англ. *one man company, one person company*) существовали и существуют в отечественном и зарубежных правовых порядках [5]. Однако, во-первых, не на них в основном рассчитана юридическая конструкция акционерного общества и, во-вторых, эти лица могут развиваться до появления полноценных корпоративных отношений с участием множества членов корпорации [4, с. 46]. В своем классическом виде акционерное общество служит примером юридических лиц, относящихся к числу объединений капиталов. Уставный капитал акционерного общества разделен на акции, являющиеся ценными бумагами.

Наблюдения представителей социальной науки за реальностью привели к появлению теории «акционерной собственности», в рамках которой дифференцируются интересы мелких акционеров, заинтересованных в получении дивидендов и ориентированных на максимизацию прибыли в краткосрочном периоде, и крупных акционеров, имеющих возможность существенно влиять на управление корпорацией [6, с. 10]. Вывод экономистов об отсутствии в современном обществе четкой границы между собственностью корпорации и собственностью акционеров [7] может показаться

странным в свете декларируемых в норм-дефиниции юридического лица признаков имущественной обособленности и самостоятельной ответственности (ст. 48 ГК РФ). Однако если учесть содержание и практику применения норм российского законодательства о субсидиарной ответственности лиц, контролирующих правосубъектные организации, оказывается, что экономисты не так далеки от истины.

Изменение состава акционеров в процессе отчуждения ценных бумаг приводит, согласно современным представлениям экономистов, к изменению «структуры собственности». Это теоретическое построение в числе многих других не претендует на роль универсальной концепции и является эффективным лишь в существующих условиях как более или менее приемлемый способ описать распределение капитала в социуме [8, с. 99]. Характеризуя «структуру собственности» акционерных обществ, обычно дают оценку наличию акций у государства, зарубежных инвесторов и оффшорных акционеров, распределению акций между миноритарными и мажоритарными акционерами [9] («распыленности собственности» и «концентрации собственности») [10, с. 28], а также наличию акций у менеджеров корпорации, членов совета директоров [11].

Наличие акций у государства стабильно оценивается как фактор, увеличивающий риски злоупотребления и неэффективного управления, влияющий отрицательно на характеристики «акционерной стоимости» [9, с. 41]. «Структура собственности» коррелирует с финансовыми характеристиками деятельности компании, в частности с левериджем (англ. leverage) – кредитным плечом [12]. Влияние на «структуру собственности» рассматривается как один из процессов целенаправленного повышения эффективности предпринимательской деятельности коммерческих корпораций.

Динамизм состава акционеров определяется факторами, которые можно про-

гнозировать с разной степенью уверенности: колебаниями спроса и предложения на рынке эмиссионных ценных бумаг, а также действиями плановыми, целенаправленными, в том числе совершаемыми органами управления корпораций и государством. Компаративный экономико-правовой анализ показывает: если содержание законодательства, наделяющего правами миноритарных акционеров, рассматривать как постоянную, то концентрация большого количества акций в руках акционеров и состав советов директоров предстают перед исследователем как переменные [13]. Законодатель, устанавливая жесткие правила, гарантирующие интересы мелких акционеров, снижает концентрацию капитала.

В информационную эпоху «структуру собственности» можно менять, а корпоративное управление осуществлять [14], не выходя из дома – с использованием цифровых сервисов.

Подвижность состава членов корпорации (акционеров) является одним из ключевых признаков такого класса хозяйственных обществ, как акционерные общества. Это реальность, игнорировать которую невозможно.

Динамике состава акционеров сопутствует его низкая прозрачность для любых третьих лиц. Если мы говорим о российском правопорядке, в котором хозяйственные общества (п. 4 ст. 66 ГК РФ) представлены двумя организационно-правовыми формами юридических лиц – акционерными обществами и обществами с ограниченной ответственностью, вывод будет однозначным: уровень прозрачности состава их участников серьезно отличается. Состав акционерных обществ почти всегда непрозрачен для других участников гражданского оборота. Состав участников обществ с ограниченной ответственностью, размер и номинальная стоимость принадлежащих им долей в уставном капитале могут быть в любой момент определены на основании данных Единого государственного реестра юридических лиц. Сведения

из этого реестра представляются бесплатно¹ в любой момент времени цифровым сервисом².

Современные исследования, основанные на обширных наблюдениях за состоянием корпоративного законодательства и качественным составом участников корпораций, свидетельствуют о высокой подвижности корпуса акционеров в большинстве правопорядков. Российский уголовный закон, относящий работников акционерных обществ, контролируемых государством, к числу лиц, могущих совершить должностные преступления, ориентирован на стабильность субъектного состава участников корпораций. Это свидетельствует о конфликте посылок, заложенных в основу норм российского корпоративного и уголовного законодательства.

Советская правовая доктрина, определявшая ход законотворческой работы, продукты которой предназначались для внутреннего потребления, игнорировала многие закономерности экономических отношений, характерных для буржуазного общества. Замкнутость системы приводила к упрощению правил, по которым она функционировала. Частью этой традиции была возможность игнорировать существование модели коммерческой корпорации. Однако на сегодняшний день коммерческие корпорации являются основными участниками экономических отношений в России, а значит, при разработке норм публичного права без глубокого знания постулатов корпоративного права не обойтись. Знание норм корпоративного права, а главное – практики их

применения, вырабатываемой при осуществлении экономического правосудия, играет роль необходимой предпосылки для выработки норм публичного права. Понимания общих закономерностей функционирования акционерных обществ в данном случае недостаточно: междисциплинарный характер знания обуславливает особые требования к составу коллектива разработчиков проектов законодательных актов, способных к аккуратному использованию терминологического аппарата, а главное, имеющему опыт теоретической и практической работы, позволяющий строить прогнозы применения предлагаемых новелл.

Как отмечают В.В. Богдан и М.Н. Урда, толкование дефиниций, оценка юридических фактов и содержания правовых предписаний могут отличаться у представителей частноправовых и уголовно-правовых наук [15, с. 632]. Анализ определения понятия должностного лица, содержащегося в уголовном законе, позволяет утверждать, что данная характеристика в полной мере относится и к разработчикам правовых новелл, использовавшим гражданско-правовую терминологию без глубокого погружения в значение соответствующих категорий.

Цель настоящего исследования – на основе анализа решения законодателя об отнесении работников хозяйственных обществ, контролируемых публично-правовыми образованиями, к числу субъектов должностных преступлений и релевантной правоприменительной практики выявить институциональную причину возникновения сбоев в межотраслевом взаимодействии правовых норм и определить стратегию их предотвращения в будущем.

Методология

Постановка научной проблемы стала результатом использования метода правового наблюдения, позволившего определить основные сложности применения уголовного закона о должностных преступлениях работников акционерного

¹ Пункт 1 ст. 7 и подп. «д» п. 1 ст. 5 Федерального закона от 8 августа 2001 г. № 129-ФЗ «О государственной регистрации юридических лиц и индивидуальных предпринимателей» См.: Собрание законодательства Российской Федерации. 2001. № 33, ч. I, ст. 3431.

² Предоставление сведений из ЕГРЮЛ / ЕГРИП в электронном виде. URL: <https://egrul.nalog.ru/index.html> (дата обращения: 22.02.2025).

общества, ставшие результатом дефектов конструирования норм. Эмпирическим материалом послужили акты судов общей юрисдикции, вынесенные в различных регионах Российской Федерации за последние четыре года. Формально-юридический, сравнительно-правовой, конкретно-исторический и системно-правовой методы, а также метод правового прогнозирования позволили сделать выводы, предложенные научной общественности.

Результаты и их обсуждение

В одной из редакций¹ легального определения должностного лица, содержащегося в п. 1 примечаний к ст. 285 УК РФ, речь шла о должностных лицах, выполняющих свои функции в «акционерных обществах, контрольный пакет акций которых принадлежит Российской Федерации, субъектам Российской Федерации или муниципальным образованиям». Использование лишних слов в законах приветствовать нельзя: не случайно «пакетов акций» нормы кодифицированного гражданского закона не упоминают. Тем не менее о «пакетах акций» идет речь в целом ряде специальных норм отдельных законов², в том числе и в п. 6

ст. 28 Федерального закона от 26 декабря 1995 г. № 208-ФЗ «Об акционерных обществах»³ (далее – Закон об АО). Нормы о «контрольных пакетах акций» встречаются преимущественно в актах бюджетного правотворчества⁴.

Закономерность следующая: словосочетание «пакет акций» появляется там, где речь идет об интересах публично-правовых образований, как правило, Российской Федерации. У ведомственных речевых клише получается «просочиться» в законопроект в процессе его разработки до поступления в парламент, когда министерский аппарат имеет наибольшее влияние на формулируемые нормы.

В действительности акции торгуются не только «пакетами», их можно продавать и покупать, если нужно, поштучно. Отмеченная выше подвижность состава акционеров и возможность продать «пакеты акций» по частям – две стороны одного целого.

«Пакеты акций» в действующем уголовном законе не упоминаются, вместо них в определении должностного лица появились «голоса». Речь идет о голосах в высшем органе управления хозяйственными обществами, которыми публично-правовое образование имеет право прямо или косвенно распоряжаться. Голосов должно быть более пятидесяти процентов, а право ими «распоряжаться»,

¹ О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: Федер. закон от 13 июля 2015 г. № 265-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2015, № 29, ч. I, ст. 4391.

² Статьи 5, 23, 24 Федерального закона от 20 июня 1996 г. № 81-ФЗ «О государственном регулировании в области добычи и использования угля, об особенностях социальной защиты работников организаций угольной промышленности» (Собр. законодательства Рос. Федерации. 1996. № 26, ст. 3033); статья 1 Федерального закона от 18 марта 2020 г. № 50-ФЗ «О приобретении Правительством Российской Федерации у Центрального банка Российской Федерации обыкновенных акций публичного акционерного общества “Сбербанк России” и признании утратившими силу отдельных положений законодательных актов Российской Фе-

дерации» (Собр. законодательства Рос. Федерации. 2020. № 12, ст. 1642), статья 33 Федерального закона от 26 марта 2003 г. № 35-ФЗ «Об электроэнергетике» (Собр. законодательства Рос. Федерации. 2003. № 13, ст. 1177).

³ Собрание законодательства Российской Федерации. 1996. № 1, ст. 1.

⁴ Федеральный закон от 27 декабря 2000 г. № 150-ФЗ «О федеральном бюджете на 2001 год» (Собр. законодательства Рос. Федерации. 2001. № 1, ч. I, ст. 2); Федеральный закон от 24 июля 2002 г. № 99-ФЗ «О внесении изменений и дополнений в Федеральный закон «О федеральном бюджете на 2002 год» (Собр. законодательства Рос. Федерации. 2002. № 30, ст. 3016).

как решили разработчики нормы уголовного закона, может осуществляться прямо или косвенно (через подконтрольных лиц). Думается, построенная в п. 1 примечаний к ст. 285 УК РФ модель корпоративного управления основана на упрощенном, строго иерархическом понимании корпоративного контроля в холдинге.

Покажем, как недостатки нормы-дефиниции должностного лица ведут к серьезным системным ошибкам, а на дистанции времени могут оказать существенное негативное влияние на всю российскую экономику.

Количество акционеров и количество голосов – это не одно и то же. В непубличном акционерном обществе уставом могут быть предусмотрены ограничения количества голосов, предоставляемых одному акционеру (п. 3 ст. 11 Закона об АО). Это означает, что наличие более пятидесяти процентов акций не всегда гарантирует принятие решений, в которых заинтересован мажоритарный акционер, поскольку у него нет нужного числа голосов. По сути, это способ демократизации процедуры управления корпорацией, «механизм защиты миноритарных акционеров от сверхконсолидации акционерного капитала» [16, с. 196].

Наличие акций не всегда дает право голоса при разрешении вопросов повестки дня общего собрания участников корпорации. Например, голоса заинтересованных лиц не учитываются при одобрении сделок с заинтересованностью (п. 4 ст. 83 Закона об АО). Привилегированные акции по общему правилу не дают право голоса на общем собрании акционеров (п. 1 ст. 32 Закона об АО), но есть ряд исключений, установленных императивными нормами закона. Если же речь идет о непубличных акционерных обществах, коих абсолютное большинство¹,

возможность голосовать для привилегированных акций может устанавливаться уставом юридического лица (п. 6 ст. 32 Закона об АО).

Очевидно, конструируя уголовно-правовую дефиницию, законодатель прибег к идее установления процента голосов, принадлежащих публично-правовому образованию, не погружаясь в указанные детали. Оперировать терминами «обыкновенные акции», «привилегированные акции», «доли в уставном капитале» ему помешал масштаб замысла – стремление распространить нормы уголовного закона о должностных преступлениях на те хозяйственные общества, которые находятся не только под прямым, но и под косвенным контролем государства или муниципального образования.

Легальное определение должностного лица, приведенное в п. 1 примечаний к ст. 285 УК РФ, казалось бы, не должно оставлять вопроса о том, должно или нет право распоряжаться более чем пятьюдесятью процентами голосов в высшем органе принадлежать одному публично-правовому образованию. Однако обращение к судебной практике показывает, что существуют разночтения в понимании норм. Так, начальник службы наружных газопроводов непубличного акционерного общества признан виновным в совершении преступлений, предусмотренных п. «в» ч. 5 ст. 290 УК РФ (получение взятки в крупном размере) и ч. 1 ст. 285 УК РФ (злоупотребление должностными полномочиями) при вы-

акционерных обществ – 36 966 (70,18%), открытых акционерных обществ – 4 664 (8,85%), закрытых акционерных обществ – 10 198 (19,36%) // Сведения о работе по государственной регистрации юридических лиц по состоянию на 01.01.2025. URL: https://www.nalog.gov.ru/rn77/related_activities/statistics_and_analytics/forms/14414858/ (дата обращения: 22.02.2025).

¹ Согласно официальной статистической отчетности, общее количество зарегистрированных акционерных обществ на 1 января 2025 г. – 52 671, из них: публичных акционерных обществ – 843 (1,6%), непубличных

полнении трудовых функций¹. Основание, по которому сторона обвинения считала подсудимого соответствующим признакам должностного лица, а суд согласился со стороной обвинения – принадлежность двум² публично-правовым образованиям более 50% голосов в высшем органе управления. Правоприменитель допустил расширительное толкование нормы уголовного закона – дефиниции должностного лица, приведенной в п. 1 примечаний к ст. 285 УК РФ. Использование законодателем в уголовно-правовом определении слов «имеет право» (а не «имеют право») применительно к распоряжению голосами тремя различными типами публично-правовых образований (Российской Федерацией, ее субъектами и муниципальными образованиями) при буквальном истолковании исключает возможность суммирования голосов, принадлежащих разным лицам³.

¹ Приговор Ленинского районного суда города Саратова, вынесенный 4 апреля 2024 г. по делу № 1-127/2024 // Ленинский районный суд г. Саратова: сайт. URL: https://leninsky--//sar.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=case&case_id=241490411&case_uid=a73c92b6-a3e5-4a15-8cd9-14cf95643d91&delo_id=1540006 (дата обращения: 22.02.2025); Апелляционное определение Саратовского областного суда от 10 октября 2024 г. по делу № 22-2184/2024 // Саратовский областной суд: сайт. URL: https://oblsud--sar.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=case&case_id=24096430&case_uid=f93ce760-3385-40bd-8fce-1ec173a3fa59&delo_id=4&new=4 (дата обращения: 22.02.2025).

² Из приговора прямо следует, что акции принадлежат не одному, а двум публично-правовым образованиям – Российской Федерации (косвенно, в размере 47,98%) и муниципальному образованию «Город Саратов» (прямо, в размере 27,05%).

³ В первоначальной редакции законопроекта № 1013018-7 «О внесении изменений в статьи 201 и 285 Уголовного кодекса Российской Федерации в части уточнения понятия “должностное лицо”» наблюдался обратный подход. Буквальное прочтение до-

Приведенная ситуация весьма симптоматична: на каждом из уровней – законодательном и правоприменительном – видна тенденция к расширительному пониманию должностного лица. Возникновение в правоприменительной практике колебаний относительно числа публично-правовых образований, которые могут контролировать хозяйственное общество, является хорошим подтверждением слабости идеи законодателя искать должностных лиц в коммерческой корпорации.

К уголовной ответственности за должностные преступления могут быть привлечены работники, не имеющие статуса государственного или муниципального служащего. Ещё до момента появления в легальной дефиниции должностного лица упоминания такого класса работодателей, как хозяйственные общества, представитель уголовно-правовой науки П.С. Яни отмечал, что «попытки выработать дефиницию должностного преступления, а равно должностного лица с использованием категории “служба” видятся с практической точки зрения лишёнными смысла» [17, с. 21]. Продолжим мысль: получается, идет ли речь о служебной функции или функции трудовой – разницы нет. А раз так, не следует дифференцировать работников и государственных (муниципальных) служащих. Следовательно, всех их оказывается целесообразно считать субъектами должностных преступлений?

Проблема разумных границ должностных преступлений разрасталась постепенно и вышла за рамки допустимых исключений в момент появления в легальной дефиниции должностного лица указания на особый класс организаций, обладающих гражданской правосубъектностью – государственные корпорации.

пускало суммирование голосов, принадлежащих разным публично-правовым образованиям. См.: URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/1013018-7> (дата обращения: 22.02.2025).

Такие госкорпорации, как «Ростатом»¹ и «Ростех»², наделенные публично-властными полномочиями [18, с. 132], хотя и являлись в силу указания закона некоммерческими организациями, но фактически изначально были призваны активно включаться в экономические отношения [19, с. 155]. Острый конфликт зон ответственности, компетенции и интересов государственных структур возник позже, когда в числе организаций, на сотрудников которых распространяется норма об уголовной ответственности должностных лиц, оказались хозяйственные общества.

Г.А. Есаков и И.С. Шиткина подчеркивают «нестабильность уголовно-правового статуса хозяйственного общества» [20, с. 29]: в одном годовом «сезоне» уголовная ответственность ее работников может наступать по нормам о преступлениях против интересов службы в коммерческих и иных организациях (гл. 23 УК РФ), в другом – по нормам о преступлениях против государственной власти, интересов государственной службы и службы в органах местного самоуправления (гл. 30 УК РФ). Границы должностных преступлений стали подвижными в темпоральном смысле: работник не может точно знать, в какой момент времени он станет специальным субъектом должностного преступления. Поскольку «структура собственности» в акционерном обществе подвижна, корпорация, еще вчера контролируемая частными лицом, сегодня может попасть под контроль государства.

¹ О Государственной корпорации по атомной энергии «Росатом»: Федер. закон от 1 дек. 2007 г. № 317-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2007. № 49, ст. 6078.

² О Государственной корпорации по содействию разработке, производству и экспорту высокотехнологичной промышленной продукции «Ростех»: Федер. закон от 23 нояб. 2007 г. № 270-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2007. № 48, ч. II, ст. 5814.

Норма п. 1 примечаний к ст. 285 УК РФ, в той мере, в которой содержащееся в нем определение должностного лица позволяет относить к числу субъектов должностных преступлений работников хозяйственных обществ, не имеющих на законных основаниях права доступа к сведениям, подтверждающим наличие прямого или косвенного контроля публично-правового образования в отношении данного хозяйственного общества, на наш взгляд, не соответствует ч. 2 ст. 54 Конституции Российской Федерации.

Действительно, Конституционный суд Российской Федерации подчеркивает: «Уголовная ответственность может считаться законно установленной лишь при условии, что ...его составообразующие признаки, наличие которых в совершенном деянии, будучи основанием уголовной ответственности, позволяет ограничивать его от иных противоправных, а тем более законных действий, точно и недвусмысленно определены в уголовном законе, непротиворечиво вписывающемся в общую систему правового регулирования»³. Данный вывод органа конституционного нормоконтроля базируется на содержании проверенного временем правового принципа *nullum crimen, nulla poena sine lege* (нет преступления, нет наказания без указания на то в законе).

Весьма вероятно, представления разработчиков норм уголовного закона о простоте получения сведений об активах граждан и корпораций, а также о контроле, осуществляемом одними участниками экономических отношений над другими, являются следствием когнитивного искажения, связанного с эвристикой доступности. В поле зрения современного потребителя информации часто попадают

³ По делу о проверке конституционности части первой статьи 137 Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина П.О. Вильке: постановление Конституционного Суда РФ от 18 янв. 2024 г. № 2-П // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2024. № 5, ст. 763.

сведения о «самых богатых людях», капитализации компаний и структуре холдингов. Лишь немногие знают, что в основу соответствующих публикаций ложится, как правило, информация косвенного или декларативного характера.

Вопрос о лицах, контролирующих корпорацию, оказывается неразрывно связанным с проблемой средств доказывания корпоративного контроля. Список лиц, имеющих право на участие в общем собрании акционеров, составляется в соответствии с правилами законодательства Российской Федерации о ценных бумагах для составления списка лиц, осуществляющих права по ценным бумагам (п. 1 ст. 51 Закона об АО). Сообщения о проведении общего собрания направляются лицам, зарегистрированным в реестре акционеров, любым выбранным ими способом из числа предусмотренных уставом общества¹. Таким образом, исследование вопроса о том, принадлежат ли голоса на общем собрании акционеров публично-правовому образованию или любому иному участнику гражданского оборота, допускается только на основании данных реестра акционеров и только на определенный период.

В случае когда изучается возможность привлечения гражданина к уголовной ответственности, должна даваться оценка содержанию реестра акционерного общества на момент (моменты) совершения инкриминируемых деяний. Если ставится вопрос о косвенной «принадлежности» голосов, предметом исследования должны быть реестры акционеров всех акционерных обществ, контролируемых публично-правовым образованием, входящих в цепь связей, обеспечивающих корпоративный контроль.

Косвенный контроль субъекта гражданских правоотношений над хозяй-

ственным обществом определяется путем установления факта контроля над участниками подконтрольного общества, которые могут предопределять содержание выносимых решений общим собранием членов корпорации. Для понимания категории «контролирующее лицо» и «подконтрольное лицо» следует обратиться к п. 1 ст. 81 Закона об АО и подп. 24 и 25 п. 1 ст. 2 Федерального закона от 22 апреля 1996 г. № 39-ФЗ «О рынке ценных бумаг»². Содержание данных законодательных актов дает основания для вывода: наличие права у публично-правового образования косвенно (через подконтрольных лиц) распоряжаться голосами в составе общего собрания акционеров должно проверяться путем установления наличия у всех участников цепи контроля – не менее половины долей в уставном капитале (для обществ с ограниченной ответственностью) или акций (для акционерных обществ).

Ситуации, когда сторона защиты заявляет, что в материалах дела отсутствуют доказательства контроля со стороны публично-правового образования над акционерным обществом, работники которого обвиняются в совершении должностных преступлений³, совсем не обязательно означают, что таковых доказательств действительно нет. Тем не менее часто наблюдаемый в судебной практике выбор стратегии опровержения этих утверждений выглядит странно для юриста, обладающего познаниями в области корпоративного права. Ссылки на общее количество выпущенных акций и число акций, принадлежащих государству,

² Собрание законодательства Российской Федерации. 1996. № 17, ст. 1918.

³ Кассационное определение Третьего кассационного суда общей юрисдикции от 27 декабря 2022 г. № 77-3349/2022 // КонсультантПлюс: сайт. URL: <https://online.consultant.ru/riv/cgi/online.cgi?req=home&rnd=0B8EBA107DD8DF0EDAFDF7F9CC008549> (дата обращения: 22.02.2025).

¹ Пункт 3.2 Положения Банка России от 16 ноября 2018 г. № 660-П «Об общих собраниях акционеров» (Вестник Банка России. 2019. № 3).

встречаются редко, при этом характеризуется в лучшем случае только одно звено корпоративного контроля, если он косвенный¹. В качестве доказательств принадлежности акций используются справки самих правообладателей или холдинговых компаний². Суды пользуются речевыми оборотами, выдающими производный характер документов, упоминая не точное число выпущенных акций и акций, принадлежащих публично-правовому образованию или контролирующему его лицу, а долю акций, не менее которой принадлежит государству³. Порой судами используется справочная информация о косвенном контроле, полученная от участника гражданского оборота, не имеющего какого-либо специального статуса⁴. Все это в условиях, когда федеральным законом установлено правило, согласно которому держателем реестра акционеров может быть только профессиональный участник рынка цен-

ных бумаг, имеющий лицензию (абз. 3 п. 1 ст. 8 Федерального закона «О рынке ценных бумаг», п. 4 ст. 97 ГК РФ)⁵.

Специальной нормой п. 3.13 ст. 8 Федерального закона «О рынке ценных бумаг» установлено, что лицо, которое осуществляло ведение реестра, предоставляет сведения и имеющиеся у него документы, связанные с ведением им этого реестра, эмитенту (лицу, обязанному по ценным бумагам) по его требованию, Банку России, судам и арбитражным судам (судьям), при наличии согласия руководителя следственного органа – органам предварительного следствия по делам, находящимся в их производстве, а также органам внутренних дел при осуществлении ими функций по выявлению, предупреждению и пресечению преступлений в сфере экономики при наличии согласия руководителя указанных органов. Следует обратить внимание на то, что из всех правоохранительных органов, наделенных компетенцией проводить оперативно-розыскные мероприятия, законодательство о рынке ценных бумаг называет в числе субъектов, имеющих право получать сведения реестра акционеров, только органы внутренних дел. Однако содержание легального определения должностного лица, находящегося в уголовном законе, действует наоборот – работает как один из факторов, приводящих к доминированию государственного аппарата над хозяйствующими субъектами. Нарушения коммерческих организаций парадоксальным образом стали делом государственной важности, доказательством чему является наблюдаемое из содержания судебных актов участие в оперативных разработках сотрудников

¹ Приговор Вологодского городского суда Вологодской области от 27 апреля 2023 г. по делу № 1-53/2023 // КонсультантПлюс: сайт. URL: <https://online.consultant.ru/riv/cgi/online.cgi?req=home&rnd=0B8EBA107DD8DF0EDAFDF7F9CC008549> (дата обращения: 22.02.2025).

² Приговор Московского районного суда города Санкт-Петербурга от 5 июля 2022 г. по делу № 1-7/2022 // КонсультантПлюс: сайт. URL: <https://online.consultant.ru/riv/cgi/online.cgi?req=home&rnd=0B8EBA107DD8DF0EDAFDF7F9CC008549> (дата обращения: 22.02.2025).

³ Апелляционное определение Верховного суда Республики Коми от 9 марта 2022 г. № 22-7/2022 // КонсультантПлюс: сайт. URL: <https://online.consultant.ru/riv/cgi/online.cgi?req=home&rnd=0B8EBA107DD8DF0EDAFDF7F9CC008549> (дата обращения: 22.02.2025).

⁴ Приговор Ленинского районного суда города Саратова, вынесенный 4 апреля 2024 г. по делу № 1-127/2024 // КонсультантПлюс: сайт. URL: <https://online.consultant.ru/riv/cgi/online.cgi?req=home&rnd=0B8EBA107DD8DF0EDAFDF7F9CC008549> (дата обращения: 22.02.2025).

⁵ См. также п. 5 приказа ФСФР РФ от 7 июля 2009 г. № 09-25/пз-н «Об особенностях учета в реестре владельцев именных ценных бумаг акций акционерных обществ, принадлежащих на праве собственности Российской Федерации» (Зарегистрировано в Минюсте РФ 17 сентября 2009 г. № 14804). URL: <https://base.garant.ru/12169707/> (дата обращения: 22.02.2025).

Федеральной службы безопасности. Решение о включении работников хозяйственных обществ в число лиц, несущих ответственность за совершение должностных преступлений, привело к тому, что коммерческие корпорации стали объектами пристального внимания системы органов государственной безопасности. С задачами этой системы [21, с. 37] такое развитие стратегии правоохранительной деятельности государства не согласуется.

Прямое управление государством конкретными хозяйственными обществами может осуществляться через возможность влиять на решения органов управления юридическими лицами. Изменение содержания законодательства меняет параметры всей системы корпоративного управления – именно это, как мы отмечали выше, показывают сравнительные экономико-правовые исследования. О нормах уголовного законодательства можно сказать ещё более категорично: установление подвижных границ должностных преступлений, создающее неопределенность в вопросе о том, к чьей компетенции относится раскрытие коррупционных преступлений, совершенных работниками хозяйственных обществ – образуют крайне неблагоприятную среду для осуществления корпоративного управления хозяйственными обществами.

Содержание легального определения должностного лица, относящего к числу субъектов должностных преступлений сотрудников хозяйственных обществ, контролируемых публично-правовыми образованиями, привело к необходимости применять нормы уголовного закона, сопрягая их значение с нормами корпоративного права. К сожалению, судьи судов общей юрисдикции далеко не всегда обладают необходимыми познаниями в данной области. Рассмотрение корпоративных споров считается сложным и весьма трудоемким процессом даже для судей арбитражных судов. Не случайно соответствующая категория дел была обособлена правотворцем путем установ-

ления специфики их рассмотрения в кодифицированном законе¹. У такого решения есть и когнитивная основа – необходимость специализации судей, отправляющих экономическое правосудие. Презумпция знания закона судом (лат. *jura novit curia*) в условиях чрезвычайной сложности и разветвленности норм позитивного права, уровня его динамизма не отвечает современным правовым реалиям – она стала фикцией. Обращение в процессе уголовного судопроизводства за правовыми заключениями специалистов [22] не является редкостью и, думается, нынешнее содержание определения понятия «должностное лицо» лишь способствует увеличению числа таких случаев.

Опыт использования категориального аппарата и специфических отраслевых конструкций гражданского права при разработке норм уголовного законодательства говорит о невозможности последовательного решения проблем противодействия беловоротничковой преступности за счет прямого заимствования цивилистических конструкций и терминов. Внесение в различные законодательные акты изменений, не согласующихся на концептуальном уровне, имеет когнитивную подоплеку. Оно является следствием сложившейся в отечественной системе правотворчества ситуации, когда разработка законопроектов рассматривается как прерогатива государственных структур, отвечающих за правоприменение в соответствующих областях. Прогноз последствий за границами данных областей закономерно оказывает-

¹ Глава 28.1 «Рассмотрение дел по корпоративным спорам» была введена в Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24 июля 2002 г. № 95-ФЗ (Собр. законодательства Рос. Федерации. 2002. № 30, ст. 3012) Федеральным законом от 19 июля 2009 г. № 205-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (Собр. законодательства Рос. Федерации. 2009. № 29, ст. 3642).

ся не по силам государственным ведомствам.

Процедуры коллективного познания действительности могут способствовать кардинальному улучшению ситуации. В современном механизме законодательства отсутствует орган, выполняющий функции общего «фильтра законопроектов», который исключал бы поступление в парламент документов, если в них прослеживается концептуальное несоответствие правовой политике и интересам общества. Особенно это касается регулирования и охраны экономических отношений, находящихся на стыке частного и публичного права. Об эффективности такого «фильтра законопроектов» – юристентага (Juristentag), работающего в германской юрисдикции, сообщалось Е.А. Сухановым [23]. Замечены аналогии в работе юристентага и Совета при Президенте Российской Федерации по кодификации и совершенствованию гражданского законодательства [24]. Однако этот Совет, обеспечивающий связь юридической науки, правотворчества и правоприменения [25, с. 102], занимается лишь цивилистической проблематикой.

Выводы

Следует ли видеть в стирании границ между преступлениями против инте-

ресов службы в коммерческих и иных организациях (гл. 23 УК РФ) и преступлениями против государственной власти, интересов государственной службы и службы в органах местного самоуправления (гл. 30 УК РФ) осознанное решение правотворца, основанное на наблюдениях за процессами, происходящими в экономической жизни общества, или ситуативное решение проблемы ухода от уголовной ответственности за коррупционные нарушения сотрудников крупных коммерческих корпораций с государственным участием – можно спорить. Совершенно точно, назревшей необходимостью является создание из представителей юридического сообщества органа, который выполнял бы функции «фильтра законопроектов».

Макроэкономические последствия изменения правовых норм поддаются прогнозированию на основе наблюдений за отечественным и иностранным опытом. Они требуют применения сложных статистических методов, готовность к использованию которых представителями правовой науки пока низка. Следовательно, задачи мониторинга и прогнозирования экономических результатов действия правовых норм должны решаться также и независимыми представителями экономической отрасли знаний.

Список литературы

1. Korteling J.E., Toet A. Cognitive Biases // *Encyclopedia of Behavioral Neuroscience*. 2nd ed. Elsevier Science, 2022. P. 610–619. <https://doi.org/10.1016/B978-0-12-809324-5.24105-9>
2. Богданов Д.Е. Постмодерн в российском частном праве: взаимодействие правовой и судебной доктрины // *Lex russica*. 2021. Т. 74, № 11. С. 102-123. <https://doi.org/10.17803/1729-5920.2021.180.11.102-123>.
3. Болдырев В.А. Юридические лица несобственники: монография. М.: Юрлитинформ, 2014. 656 с. <https://doi.org/10.5281/zenodo.10937757>.
4. Сеницын С.А. Особенности структуры собственности и корпоративного управления в компании одного лица // *Журнал российского права*. 2020. № 7. С. 40-51. <https://doi.org/10.12737/jrl.2020.079>.
5. Kumar V. One person company: Concept, issues and suggestions // *Corporate Law Adviser*. 2016. Vol. 132. P. 67-76.
6. Беляева И.Ю., Данилова О.В., Федотова М.А. Тенденции трансформации собственности и развитие корпоративных отношений в цифровой экономике // *Вестник Аст-*

раханского государственного технического университета. Серия: Экономика. 2020. № 1. С. 7-16. <https://doi.org/10.24143/2073-5537-2020-1-7-16>.

7. Лосева О.В., Тазикина Т.В., Федотова М.А. Трансформация корпоративного управления и отношений собственности в цифровом обществе // Управленческие науки. 2020. Т. 10, № 1. С. 55-67. <https://doi.org/10.26794/2404-022X-2020-10-1-55-67>.

8. Myers S.C. Capital structure // Journal of Economic Perspectives. 2001. Vol. 15, no. 2. P. 81-102. <https://doi.org/10.1257/jep.15.2.81>.

9. Анкудинов А.Б., Батаева Б.С. Структура собственности и рыночная стоимость: эмпирический анализ российских публичных компаний // Управленец. 2021. Т. 12, № 2. С. 35-45. <https://doi.org/10.29141/2218-5003-2021-12-2-3>.

10. Алексеева Л.В., Березинец И.В., Ильина Ю.Б. Концентрация собственности и дивидендная политика: исследование российских акционерных обществ // Вестник Санкт-Петербургского университета. Менеджмент. 2011. № 3. С. 3-31.

11. Азарян Н.А. Исследование структуры акционерной собственности как фактора, влияющего на изменение стоимости компании // Вестник Российского экономического университета имени Г.В. Плеханова. 2012. № 7(49). С. 45-53.

12. Brailsford T.J., Oliver B.R. Pua L.H.S. Theory and evidence on the Relationship between ownership structure and capital structure. URL: https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=181888 (дата обращения: 21.02.2025). <http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.181888>

13. Kim K.A., Kitsabunnarat-Chatjuthamard P., Nofsinger J.R. Large shareholders, board independence, and minority shareholder rights: Evidence from Europe // Journal of Corporate Finance. 2007. Vol. 13, no. 5. P. 859-880. <https://doi.org/10.1016/j.jcorpfin.2007.09.001>.

14. Батаева Б.С. Развитие корпоративного управления с помощью сервисов электронного голосования // Управленческие науки = Management Sciences in Russia. 2020. Т. 10, № 2. С. 74-87. <https://doi.org/10.26794/2404-022X-2020-10-2-74-87>.

15. Богдан В.В., Урда М.Н. Суррогатное материнство & торговля людьми: межотраслевой конфликт // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2022. Вып. 58. С. 628-657.

16. Безпрозванный В.И. Проблемы правового регулирования ограничения количества акций и голосов, принадлежащих одному акционеру // Вестник РГГУ. Серия: Экономика. Управление. Право. 2011. № 8(70). С. 196-202.

17. Яни П.С. Квалификация должностных преступлений: преодоление теоретических неточностей // Законность. 2011. № 10(924). С. 19-23.

18. Пожарский Д.В., Арапов А.Ю. Государственные корпорации в механизме публичной власти Российской Федерации // Вестник Костромского государственного университета. 2022. Т. 28, № 4. С. 130-134. <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2022-28-4-130-134>.

19. Ваславская И. Государственный акционерный капитал в структуре собственности государственных корпораций // Вестник Института экономики Российской академии наук. 2008. № 4. С. 152-163.

20. Есаков Г.А., Шиткина И.С. Должностные лица в хозяйственных обществах: новый подход // Уголовное право. 2022. № 1. С. 22-32. https://doi.org/10.52390/207158702022_1_22.

21. Есипов В.А. Понятие и основные модели органов государственной безопасности // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2017. Т. 7, №3(24). С. 35-41.

22. Гаврилов Э. Право суда запрашивать заключения по правовым вопросам, несмотря на наличие в римском праве принципа *jura novit curia* // Хозяйство и право. 2017. № 4(483). С. 26-32.

23. Суханов Е.А. Реформой вещного права мы замахнулись на основу основ // Вестник Арбитражного суда Московского округа. 2015. № 1. С. 7-28.

24. Болдырев В.А. Обратная связь в регулировании правоотношений // Российское правосудие. 2022. № 6. С. 5-11. <https://doi.org/10.37399/issn2072-909X.2022.6.5-11>.
25. Белецкий И.А., Миронова Г.Н. Криминализация фактического контроля юридического лица: от идеи к ее реализации // Научный вестник Омской академии МВД России. 2024. Т. 30, № 2(93). С. 100-105.

References

1. Korteling J.E., Toet A. Cognitive Biases. Encyclopedia of Behavioral Neuroscience. 2nd ed. Elsevier Science, 2022. P. 610-619. <https://doi.org/10.1016/B978-0-12-809324-5.24105-9>.
2. Bogdanov D.E. Postmodernity in Russian private law: interaction of legal and judicial doctrine. *Lex russica*. 2021;74(11):102-123. (In Russ.) <https://doi.org/10.17803/1729-5920.2021.180.11.102-123>.
3. Boldyrev V.A. Non-owner legal entities. Moscow: Yurlitinform; 2014. 656 p. (In Russ.) <https://doi.org/10.5281/zenodo.10937757>.
4. Sinitsyn S.A. Features of ownership structure and corporate governance in a one-man company. *Zhurnal rossijskogo prava = Journal of Russian Law*. 2020;(7):40-51. (In Russ.) <https://doi.org/10.12737/jrl.2020.079>.
5. Kumar V. One person company: concept, issues and suggestions. *Corporate Law Adviser*. 2016;132:67-76.
6. Belyaeva I.Yu., Danilova O.V., Fedotova M.A. Trends of property transformation and development of corporate relations in digital economy. *Vestnik Astrakhanskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta. Seriya: Ekonomika = Vestnik of Astrakhan State Technical University. Series: Economics*. 2020;(1):7-16. (In Russ.) <https://doi.org/10.24143/2073-5537-2020-1-7-16>.
7. Loseva O.V., Tazikhina T.V., Fedotova M.A. Transformation of corporate governance and property relations in a digital society. *Upravlencheskie nauki = Management Sciences in Russia*. 2020;10(1):55-67. (In Russ.) <https://doi.org/10.26794/2404-022X-2020-10-1-55-67>.
8. Myers S.C. Capital structure. *Journal of Economic Perspectives*. 2001;15(2):81-102. <https://doi.org/10.1257/jep.15.2.81>.
9. Ankudinov A.B., Bataeva B.S. Capital structure and market capitalization: Empirical analysis of Russian public companies. *Upravlenets – The Manager*. 2021;12(2):35-45. (In Russ.) <https://doi.org/10.29141/2218-5003-2021-12-2-3>.
10. Alekseeva L.V., Berezinets I.V., Ilyina Yu.B. Ownership concentration and dividend policy: a study of Russian joint-stock companies. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Menedzhment = Bulletin of St. Petersburg University. Management*. 2011;(3):3-31. (In Russ.)
11. Azaryan N.A. Research of the structure of shareholder ownership as a factor influencing the change in the company value. *Vestnik Rossijskogo ekonomicheskogo universiteta imeni G.V. Plekhanova = Bulletin of the Plekhanov Russian University of Economics*. 2012;(7):45-53. (In Russ.)
12. Brailsford T.J., Oliver B.R., Pua L.H.S. Theory and evidence on the relationship between ownership structure and capital structure. Available at: https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=181888 (accessed: 21.02.2025). <http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.181888>.
13. Kim K.A., Kitsabunnarat-Chatjuthamard P., Nofsinger J.R. Large shareholders, board independence, and minority shareholder rights: Evidence from Europe. *Journal of Corporate Finance*. 2007;13(5):859-880. <https://doi.org/10.1016/j.jcorpfin.2007.09.001>
14. Bataeva B.S. Corporate governance development with e-voting services. *Upravlencheskie nauki = Management Sciences in Russia*. 2020;10(2):74-87. (In Russ.) <https://doi.org/10.26794/2404-022X-2020-10-2-74-87>.

15. Bogdan V.V., Urda M.N. Surrogacy & human trafficking: interbranch conflict. *Vestnik Permskogo universiteta. Juridicheskie nauki = Perm University Herald. Juridical Sciences*. 2022;(58):628-657. (In Russ.)
16. Bezprozvanny V. Law regulation of limit of quantity shares and voices, which could belong to one shareholder. *Vestnik RGGU. Seriya: Ekonomika. Upravlenie. Pravo = RSUN/RGGU Bulletin. Series: Economics. Management. Law*. 2011;(8):196-202. (In Russ.)
17. Yani P.S. Classification of crimes of officials: overcoming theoretical discrepancies. *Zakonnost' = Legality*. 2011;(10):19-23. (In Russ.)
18. Pozharsky D.V., Arapov A.U. State corporations in the mechanism of public power of the Russian Federation. *Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta = Vestnik of Kostroma State University*. 2022;28(4):130-134. (In Russ.) <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2022-284-130-134>.
19. Vaslavskaya I. State share capital in the ownership structure of state corporations. *Vestnik Instituta ekonomiki Rossiiskoi akademii nauk = Bulletin of the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences*. 2008;(4):152-163. (In Russ.)
20. Esakov G.A., Shitkina I.S. The officials in joint stock and limited liability companies: the new approach. *Ugolovnoe pravo = Criminal Law*. 2022;(1):22-32. (In Russ.) https://doi.org/10.52390/20715870_2022_1_22
21. Esipov V.A. Concept and basic models of state security agencies. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya i pravo = Proceeding of the Southwest State University. Series: History and Law*. 2017;7(3):35-41. (In Russ.)
22. Gavrilov E. The right of the court to request opinions on legal issues, despite the presence of the principle of jura novit curia in Roman law. *Khozyaistvo i pravo = Business and Law*. 2017;(4):26-32. (In Russ.)
23. Sukhanov E.A. With the reform of property law we have encroached on the very foundations of everything. *Vestnik Arbitrazhnogo suda Moskovskogo okruga = Bulletin of the Arbitration Court of the Moscow District*. 2015;(1):7-28. (In Russ.)
24. Boldyrev V.A. Feedback in the regulation of legal relations. *Rossiiskoe pravosudie = Russian Justice*. 2022;(6):5-11. (In Russ.) <https://doi.org/10.37399/issn2072-909X.2022.6.5-11>.
25. Beletsky I.A., Mironova G.N. Criminalization of de facto control over a legal entity: from idea to its implementation. *Nauchnyi vestnik Omskoi akademii MVD Rossii = Scientific Bulletin of the Omsk Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia*. 2024;30(2):100-105. (In Russ.)

Информация об авторе / Information about the Author

Болдырев Владимир Анатольевич, доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры гражданского права, Северо-Западный филиал Российского государственного университета правосудия имени В.М. Лебедева, г. Санкт-Петербург, Российская Федерация; профессор кафедры правового обеспечения рыночной экономики, Новосибирский государственный университет, г. Новосибирск, Российская Федерация, e-mail: vabold@mail.ru, ORCID: 0000-0002-1454-6886

Vladimir A. Boldyrev, Doctor of Sciences (Juridical), Associate Professor, Professor of the Civil Law Department, North-Western Branch of Russian State University of Justice named after V.M. Lebedev, Saint Petersburg, Russian Federation; Professor of the Department of Legal Support of Market Economy, Novosibirsk State University, Novosibirsk, Russian Federation, e-mail: vabold@mail.ru, ORCID: 0000-0002-1454-6886